

Тевиджджа сутта

Сутта о знании трех вед

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный, двигаясь по Косале — с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, прибыл в брахманское селение в Косале, по имени Манасаката. И там в Манасакате Блаженный остановился в манговой роще у реки Ачиравати к северу от Манасакаты.

2. И в это самое время множество весьма знатных, богатых брахманов обитало в Манасакате, а именно: брахман Чанки, брахман Таруккха, брахман Поккхарасади, брахман Джануссоны, брахман Тодейя и другие весьма знатные, богатые брахманы.

3. И вот между Васеттхой и Бхарадваджей, совершавшими прогулку и пребывавшими в размышлении, возникла беседа о правильном пути и должном пути.

4. Юный Васеттха сказал так: “Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади”.

5. Юный Бхарадваджа сказал так: “Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха”.

6. И вот ни юный Васеттха не мог убедить юного Бхарадваджу, ни юный Бхарадваджа не мог убедить юного Васеттху.

7. И тогда юный Васеттха обратился к юному Бхарадвадже: “Бхарадваджа! Этот отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, странствуя, остановился в Манасакате, в манговой роще у реки Ачиравати, к северу от Манасакаты. И вот о нем, достопочтенном Готаме, идет такая добрая слава: “Он — Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный”. Пойдем же, почтенный Бхарадваджа, приблизимся к отшельнику Готаме и, приблизившись, спросим отшельника Готама об этом деле. Как отшельник Готама ответит нам, так мы и будем считать”.

— “Хорошо, почтенный”, — согласился юный Бхарадваджа с юным Васеттхой.

8. И вот юные Васеттха и Бхарадваджа приблизились к Блаженному. Приблизившись, они обменялись с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне. И сидя в стороне, юный Васеттха так сказал Блаженному:

— “Вот, почтенный Готама, у нас, совершавших прогулку и пребывавших в размышлении, возникла беседа о правильном пути и ложном пути. Я говорю так: “Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к

соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади”. Юный Бхарадваджа сказал так: “Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха”. Тут, почтенный Готама, и возникло пререкание, возник спор, возникло разногласие”.

9. - “Итак, Васеттха, ты говоришь так: “Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади”. А юный Бхарадваджа сказал так: “Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха”. В чем же у вас, Васеттха, пререкание, в чем спор, в чем разногласие?”

10. – “В суждении о правильном пути и ложном пути, почтенный Готама. Ведь разные брахманы, почтенный Готама, — брахманы Аддхария, брахманы Титтирия, брахманы Чхандока, брахманы Чхандова, брахманы Брахмачария – учат различным путям, и вот являются ли все эти пути избавлением и выводят ли следующего по ним к соединению с Брахмой? Подобно тому, почтенный Готама, как недалеко от селения или торгового поселка бывает много различных путей и все они встречаются вместе в селении, точно так же, почтенный Готама, и разные брахманы — брахманы Аддхария, брахманы Титтирия, брахманы Чхандока, брахманы Чхандова, брахманы Брахмачария – учат различным путям, и вот являются ли все эти пути избавлением и выводят ли следующего по ним к соединению с Брахмой?”

11. — “Ты говоришь: “выводят ли?” — Васеттха?”

- “Я говорю “выводят ли?” – почтенный Готама”.

- “Ты говоришь: “выводят ли?” — Васеттха?”

- “Я говорю “выводят ли?” – почтенный Готама”.

- “Ты говоришь: “выводят ли?” — Васеттха?”

- “Я говорю “выводят ли?” – почтенный Готама”.

9. – “Как же, Васеттха? Есть ли среди брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один, который бы воочию видел Брахму?”

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

— “Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один наставник, который бы воочию видел Брахму?”

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

— “Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один наставник наставников, который бы воочию видел Брахму?”

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

— “Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, кто-нибудь, вплоть до седьмого поколения наставников, который бы воочию видел Брахму?”

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

10. — “Как же, Васеттха? Те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное,

продолжая изрекать изреченное, — говорили ли они так: “Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма”?

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

14. Итак, Васеттха, нет среди брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного наставника, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного наставника наставников, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, кого-нибудь, вплоть до седьмого поколения наставников, который бы воочию видел Брахму. Итак и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — они не говорили так: “Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма”. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: “Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?”

— “Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными”.

15. — “Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: “Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”. А такого быть не может. Подобно тому, Васеттха, как в веренице слепых, держащихся друг за друга, ни первый не видит, ни средний не видит, ни последний не видит, точно так же, Васеттха, и в словах брахманов, сведущих в трех ведах, как в веренице слепых, ни первый не видит, ни средний не видит, ни последний не видит. И слова этих брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются смешными, оказываются болтовней, оказываются тщетными, оказываются пустыми.

16. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Видят ли брахманы, сведущие в трех ведах, луну и солнце, как и многие другие люди; молятся ли они и возносят ли хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце?”

— “Да, почтенный Готама. Брахманы, сведущие в трех ведах, как и многие другие люди, видят луну и солнце; они молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце”.

17. — “Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Брахманы, сведущие в трех ведах, которые, как и многие другие люди, видят луну и солнце, молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце, — могут ли они проповедовать путь к соединению с луной и солнцем: “Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с луной и солнцем”.

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

18. – “Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, которые, как и многие другие люди, видят луну и солнце, молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце, — они не могут проповедовать путь к соединению с луной и солнцем: “Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с луной и солнцем”. Итак, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изречь изреченное, — они не говорили так: “Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма”. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: “Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?”

— “Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными”.

— “Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: “Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”. А такого быть не может.

19. Ведь подобным же образом, Васеттха, мужчина мог бы сказать: “Я желаю, я люблю самую прекрасную женщину в этой стране”. Ему сказали бы на это: “Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, — кто эта самая прекрасная женщина в стране: кшатрийка, брахманка, вайшийка или шудрянка? – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: “Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, — каково имя этой самой прекрасной женщины в стране, каков род, высокого она роста, низкого или среднего, темная у нее кожа, черная или золотистая, в каком селении, торговом поселке или городе она живет?” –И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: “Эй, мужчина, не желаешь ли ты и любишь ту, которой не знаешь и не видишь?” – И будучи спрошен, он сказал бы, что это так.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?”

— “Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными”.

20. – “Так же точно, Васеттха, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из

брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — они не говорили так: “Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма”. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: “Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?”

— “Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными”.

— “Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: “Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”. А такого быть не может.

21. Ведь подобным же образом, Васеттха, мужчина мог бы соорудить на перекрестке лестницу, чтобы подняться на террасу дома. Ему сказали бы на это: “Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, — расположена ли эта терраса с восточной стороны, с западной стороны, с северной стороны или с южной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?” – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: “Эй, мужчина, не сооружаешь ли ты лестницу, чтобы подняться на террасу, которой не знаешь и не видишь?” – И будучи спрошен, он сказал бы, что это так.

Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?”

— “Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными”.

22. – “Так же точно, Васеттха, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — они не говорили так: “Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма”. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: “Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?”

— “Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными”.

23. “Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: “Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой”. А такого быть не может.

24. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящейся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы взывать к другому берегу: “Иди сюда, другой берег, иди сюда, другой берег!” Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости этого человека перейти на этот берег?”

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

25. — “Так же точно, Васеттха, и брахманы, сведущие в трех ведах, пребывая в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывая в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, говорят так: “Мы взываем к Инде, взываем к Моме, взываем к Варуне, взываем к Махидджи, взываем к Яме!” Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, — ради своего зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости, они надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

26. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящейся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы взывать к другому берегу: “Иди сюда, другой берег, иди сюда, другой берег!” Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости этого человека перейти на этот берег?”

— “Конечно нет, почтенный Готама”.

27. — “Так же точно, Васеттха, эти пять признаков чувственности и зовутся путами, и зовутся оковами в учении о должном поведении праведника. Каковы же эти пять? Образы, воспринимаемые глазом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; звуки, воспринимаемые ухом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; запахи, воспринимаемые носом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; вкусы, воспринимаемые языком, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; прикосновения, воспринимаемые телом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. Эти пять признаков чувственности, Васеттха, и зовутся путами, и зовутся оковами в учении о должном поведении праведника. Этим пяти признакам чувственности, Васеттха, и предаются брахманы, сведущие в трех ведах, будучи опутаны, одурманены, охвачены ими, не видя их зла, не постигая их преодоления.

28. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, — предаваясь пяти признакам чувственности, будучи опутаны, одурманены, охвачены ими, не видя их зла, не постигая их преодоления,

связанные узами чувственности, они надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

29. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящейся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы взывать к другому берегу: "Иди сюда, другой берег, иди сюда, другой берег!" Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости этого человека перейти на этот берег?"

— "Конечно нет, почтенный Готама".

30. — "Так же точно, Васеттха, эти пять преград и зовутся заграждающими, и зовутся преграждающими, и зовутся закрывающими, и зовутся покрывающими в учении о должном поведении праведника. Каковы же эти пять? Преграда чувственного возбуждения, преграда злонамеренности, преграда косности, преграда беспокойства и терзаний, преграда сомнения. Эти пять преград, Васеттха, и зовутся заграждающими, и зовутся преграждающими, и зовутся закрывающими, и зовутся покрывающими в учении о должном поведении праведника. Этими пятью преградами, Васеттха, заграждены, ограждены, закрыты, покрыты брахманы, сведущие в трех ведах. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают небрахманом, — будучи заграждены, ограждены, закрыты, покрыты пятью преградами, они надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

31. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников /твоих/ наставников? Обладает ли Брахман имуществом или не обладает имуществом?"

- "Не обладает имуществом, почтенный Готама".
- "Враждебен ли он в мыслях или не враждебен в мыслях?"
- "Не враждебен в мыслях, почтенный Готама"
- "Злонамерен ли он в мыслях или не злонамерен в мыслях?"
- "Не злонамерен в мыслях, почтенный Готама".
- "Осквернен ли он в мыслях или не осквернен в мыслях?"
- "Не осквернен в мыслях, почтенный Готама".
- "Владеет ли он собой или не владеет собой?"
- "Владеет собой, почтенный Готама".

32. — "Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Обладают ли брахманы, сведущие в трех ведах, имуществом или не обладают имуществом?"

- "Обладают имуществом, почтенный Готама".
- "Враждебны ли они в мыслях или не враждебны в мыслях?"
- "Враждебны в мыслях, почтенный Готама"
- "Злонамерены ли они в мыслях или не злонамерены в мыслях?"
- "Злонамерены в мыслях, почтенный Готама".

- "Осквернены ли они в мыслях или не осквернены в мыслях?"

- "Осквернены в мыслях, почтенный Готама".

- "Владеют ли они собой или не владеют собой?"

- "Не владеют собой, почтенный Готама".

33. – "Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, обладают имуществом – Брахма не обладает имуществом. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, обладающие имуществом, встретиться и сойтись с Брахмой, не обладающим имуществом?"

— "Конечно нет, почтенный Готама".

34. – "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, обладают имуществом и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не обладающим имуществом. А такого быть не может.

35. Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, враждебны в мыслях – Брахма не враждебен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, враждебные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не враждебным в мыслях?"

— "Конечно нет, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, враждебны в мыслях и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не враждебным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренны в мыслях – Брахма не злонамерен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не злонамеренным в мыслях?"

— "Конечно нет, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренны в мыслях и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не злонамеренным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, осквернены в мыслях – Брахма не осквернен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, оскверненные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не оскверненным в мыслях?"

— "Конечно нет, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, осквернены в мыслях, и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не оскверненным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, не владеют собой – Брахма владеет собой. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, не владеющие собой, встретиться и сойтись с Брахмой, владеющим собой?"

— "Конечно нет, почтенный Готама".

36. – "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, не владеют собой и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, владеющим собой. А такого быть не может. И право же, приближаясь к нему, брахманы, сведущие в трех ведах, низвергаются; будучи низвергнуты, они достигают горести, и, я бы сказал, пересекают высохшую переправу. Поэтому знание трех вед у брахманов, сведущих в трех ведах, зовется бесплодной пустыней, знание трех вед

зовется чашей, знание трех вед зовется погибелью”.

37. Когда так было сказано, юный Васеттха так сказал Блаженному: “Я слышал, почтенный Готама, что отшельник Готама знает путь к соединению с Брахмой”.

— “Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Ведь Манасаката близка отсюда, Манасаката недалеко отсюда?”

— “Да, почтенный Готама, Манасаката близка отсюда, Манасаката недалеко отсюда”.

— “Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Вот человек родился бы и вырос в Манасакате. И его, вышедшего из Манасакаты, спросили бы о пути в Манасакату. Возникли ли бы, Васеттха, у этого человека, родившегося и выросшего в Манасакате и спрошенного о пути в Манасакату, неуверенность или замешательство?”

— “Конечно нет, почтенный Готама. Отчего же? Ведь этот человек, почтенный Готама, родился и вырос в Манасакате, и ему хорошо известны все пути в Манасакату”.

38. — “И все же, Васеттха, скорее у этого человека, родившегося и выросшего в Манасакате и спрошенного о пути в Манасакату, могли бы возникнуть неуверенность или замешательство, чем у Татхагаты, спрошенного о мире Брахмы или о пути, ведущем в мир Брахмы, возникли бы неуверенность или замешательство. И я, Васеттха, знаю Брахму, и мир Брахмы, и путь, ведущий в мир Брахмы, и знаю, как следовать этим путем, чтобы достичь мира Брахмы”.

39. Когда так было сказано, юный Васеттха сказал Блаженному: “Я слышал, почтенный Готама, что отшельник Готама разъясняет путь к соединению с Брахмой. Хорошо, если достопочтенный Готама разъяснит нам путь к соединению с Брахмой, если достопочтенный Готама вознесет Брахманское потомство”.

— “В таком случае, Васеттха, слушай и тщательно внимай /тому, что/ я скажу”.

— “Хорошо, почтенный”, — согласился с Блаженным юный Васеттха, блаженный сказал так:

40. — “Вот, Васеттха, в мир приходит Татхагата — архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, — в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: “Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же — как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным”. И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает

нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Васеттха, монах предан нравственности. Вот, Васеттха, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени — он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства — он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, — он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, — а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, — он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, — а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах — он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, — он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одежде, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах,

беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, — он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, — а именно: “Ты не знаешь дхармы и должного поведения, — я знаю дхарму и должное поведение!”, “Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?”, “Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!”, “Я последователен — ты непоследователен!”, “Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!”, “/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!”, “Твоя речь опровергнута, ты побежден!”, “Оставь эту речь или разъясни, если можешь!” — он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: “иди сюда”, “иди туда”, “возьми это”, “неси это туда”, — он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, — он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью — а именно: предсказывая, что будет выступление царя

/в поход/, не будет выступления царя, — будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, — будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, — будет победа здешнего царя, — будет победа одного, будет поражение другого — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью — а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью — а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умащивание; бывая глазами врачами, хирургами, леча детей, добывая целебные корни, освобождая от

ставшего ненужным лекарства, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Васеттха, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, Васеттха, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей — так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Васеттха, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, Васеттха, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Васеттха, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, великий царь, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Васеттха, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Васеттха, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Васеттха, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Васеттха, монах удовлетворен? Вот, Васеттха, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, Васеттха, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, Васеттха, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Васеттха, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель — в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: “Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: “Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: “Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: “Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу”, — он получит от этого радость,

достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здравым достигнет края деревни и сможет сказать себе: “Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставив позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здравым достиг края деревни”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Васеттха, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Васеттха, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, Васеттха, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, — связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье — и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, Васеттха, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливает его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Васеттха, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Васеттха, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питая его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, Васеттха, и монах обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано

радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Васеттха, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: “уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье”, он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Васеттха, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, Васеттха, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Васеттха, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишеной несчастья, лишеной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

Подобно тому, Васеттха, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, Васеттха, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишеной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: “Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание”.

Подобно тому, Васеттха, как если драгоценный камень велурия — прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, — продета нить — синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить — и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: “Вот драгоценный камень велурия — прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий,

безупречный, наделенный всеми достоинствами, — и в него продета эта нить — синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая” — так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: “Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание”.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, Васеттха, как человек, извлекая тростинку из влагилица мунджи, может сказать себе: “Вот мунджа, вот — тростинка, одно — мунджа, другое — тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи”, или же подобно тому, Васеттха, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: “Вот — меч, вот — ножны, одно — меч, другое — ножны. Но ведь меч извлечен из ножен”, или же подобно тому, Васеттха, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: “Вот — змея, вот — кожа, одно — змея, другое — кожа, но ведь змея вытащена из кожи” — так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну — эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, Васеттха, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, Васеттха, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, Васеттха, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, — так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью — чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — направляет и обращает мысль к разным

видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, Васеттха, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: “Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга”, — также точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, Васеттха, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: “Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то

пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь” – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, Васеттха, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: “Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, — а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, — а из этой деревни возвратился в свою деревню” – так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: “Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь” – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: “Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире”. — Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, Васеттха, как если человек, стоящий на террасе над серединой

перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: “Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка”, — так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: “Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире”. — Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: “Это страдание”, постигает в согласии с истиной: “Это возникновение страдания”, постигает в согласии с истиной: “Это уничтожение страдания”, постигает в согласии с истиной: “Это путь, ведущий к уничтожению страдания”, постигает в согласии с истиной: “Это греховные свойства”, постигает в согласии с истиной: “Это возникновение греховных свойств”, постигает в согласии с истиной: “Это уничтожение греховных свойств”, постигает в согласии с истиной: “Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств”. У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: **“Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием”**.

Подобно тому, Васеттха, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб,двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: “Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются”, — так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: “Это страдание”, постигает в согласии с истиной: “Это возникновение страдания”, постигает в согласии с истиной: “Это уничтожение страдания”, постигает в согласии с истиной: “Это путь, ведущий к уничтожению страдания”, постигает в согласии с истиной: “Это греховные свойства”, постигает в согласии с истиной: “Это возникновение греховных свойств”,

постигает в согласии с истиной: “Это уничтожение греховных свойств”, постигает в согласии с истиной: “Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств”. У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: “Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием”.

76. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

77. Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в дружелюбии, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

78. И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Подобно тому, Васеттха, как силач трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в сострадании, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в удовлетворенности, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

79. Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в уравновешенности, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Пребывающий в таком состоянии монах обладает имуществом или не обладает имуществом?”

- "Не обладает имуществом, почтенный Готама".

- "Враждебен ли он в мыслях или не враждебен в мыслях?"
- "Не враждебен в мыслях, почтенный Готама"
- "Злонамерен ли он в мыслях или не злонамерен в мыслях?"
- "Не злонамерен в мыслях, почтенный Готама".
- "Осквернен ли он в мыслях или не осквернен в мыслях?"
- "Не осквернен в мыслях, почтенный Готама".
- "Владеет ли он собой или не владеет собой?"
- "Владеет собой, почтенный Готама".

81. – "Итак, Васеттха, монах не обладает имуществом, и Брахма не обладает имуществом. Может ли монах, не обладающий имуществом, встретиться и сойтись с Брахмой, не обладающим имуществом?"

— "Да, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, обладающий имуществом, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не враждебен в мыслях, и Брахма не враждебен в мыслях. Может ли монах, не враждебный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не враждебным в мыслях?"

— "Да, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не враждебный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не враждебным в мыслях. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не злонамерен в мыслях, и Брахма не злонамерен в мыслях. Может ли монах, не злонамеренный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не злонамеренным в мыслях?"

— "Да, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не злонамеренный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не злонамеренным в мыслях. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не осквернен в мыслях, и Брахма не осквернен в мыслях. Может ли монах, не оскверненный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не оскверненным в мыслях?"

— "Да, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не оскверненный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не оскверненным в мыслях. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах владеет собой, и Брахма владеет собой. Может ли монах, владеющий собой, встретиться и сойтись с Брахмой, владеющим собой?"

— "Да, почтенный Готама".

— "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, владеющий собой, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, владеющим собой. – И такое может быть".

82. Когда так было сказано, юные Васеттха и Бхарадваджа сказали Блаженному:

— “Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, — так же точно досточтимый Готама с помощью многих наставлений преподал истину. И вот мы идем как к прибежищу к Блаженному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет нас как преданных мирян, отныне и на всю жизнь нашедших здесь убежище”.

Окончена тринадцатая Тевиджджа сутта.

Окончена Силаккхандавагга.

Брахмаджала и Саманья, Амбаттха, Санадандака, Кутаданта и Махали, Джалия, Сиханадака, Поттхапада, затем – о юном Субхе, и еще Кеваддха, Лохичча и Тевиджджа – итого здесь тринадцать сутт.